

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 4
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81'42

ББК 81

DOI 10.18522/1995-0640-2021-4-67-78

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЭЛИМИНИРОВАННЫХ ЛАКУН

Ирина Васильевна Беляева¹, Оксана Михайловна Акай^{1, 2}

¹Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Элиминирование лакун чаще всего связано с необходимостью передать семантическое содержание, которое не нашло в языке однословного выражения. Но элиминирование оказывается необходимым и в силу прагматических причин. Именно прагматическими нюансами различаются исконные литературные слова и вытесняющие их заимствования или единицы субстандарта. Учет всей палитры прагматических значений позволяет объяснить появление и закрепление новых единиц в лексике и грамматике современного русского языка.

Ключевые слова: элиминация лакун, семантика, прагматическое значение, заимствование, субстандарт, лингвокультура, грамматика, креативность

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00016

Для цитирования: Беляева И.В., Акай О.М. Семантика и прагматика элиминированных лакун // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2021. № 4. С. 67 – 78.

Original article

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE ELIMINATED LACUNAE

Irina V. Belyaeva¹, Oksana M. Akay^{1, 2}

¹Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

^{1, 2}Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. Elimination of lacunae is associated with the need to convey semantic content that has not found a single-word expression in the language. But elimination also turns out to be necessary for pragmatic reasons. It is precisely the pragmatic nuances that distinguish the primordial literary words and the borrowings or sub-standard units replacing them. Taking into account the entire palette of pragmatic meanings allows us to explain the emergence and consolidation of new units in the vocabulary and grammar of the modern Russian language.

Key words: *elimination of lacunae, semantics, pragmatic awareness, borrowing, substandard, linguoculture, grammar, creativity*

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 19-012-00016

For citation: *Belyaeva I., Aray O.M. Semantics and Pragmatics of the Eliminated Lacunae // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2021. № 4. P. 67 – 78.*

Введение

Под лакунарностью принято понимать невоплощенные, невыраженные формально средства передачи лексического или грамматического значения. При этом они нередко могут тем или иным способом элиминироваться. Поскольку лакуны представляют собой результат лингвоисторического опыта познания мира, в них, так же, как и в наличествующих лексемах и грамматических формах, проявляется системность языка и фиксируется национальная уникальность лингвокультуры [Gladkova, Larina, 2018; Gambier, 2019; Shaklein, Mamontov, 2019; Sdobnikov, 2019], поэтому феномен лакунарности является не только лингвистически системным, но и аксиологичным. «Язык характеризуется не только тем, какие ячейки в его парадигмах заполнены единицами и формами, но и тем, какие ячейки не заполнены, почему они не заполнены и как выглядят те виртуальные единицы и формы, которые должны располагаться в вакантных ячейках. Это позволяет судить о потенциале языка и альтернативных путях его эволюции», – указывает Е.В. Савицкая [2015, с. 5]. Итак, лакунами считаются пробелы (пропуски) в системе языка; это отсутствие единиц, которые, в силу каких-то условий, обстоятельств, ожидаемы, если иметь в виду отражательную функцию языка как когнитивной системы [Мануковская, 2018; Махонина, 2013; Grodzki, 2003; Hale, 1975; Jolowicz, 2006; Kshenovskaya, 2011; Panasiuk, 2007; Verbitskaya, 2013; и мн. др.].

В лакунологии нет единства взглядов относительно типов лакун: ряд авторов (В.А. Савицкий, Е.А. Савицкая) не признает межъязыковой лакунарности, в то время как большинство исследований по межкультурной коммуникации опирается именно на понятие межъязыковых лакун и рассматривает возможности их компенсации (Г.В. Быкова, С.В. Власенко, Н.Л. Глазачева, О.В. Коптева, Ю.А. Сорокин и мн. др.). Полагаем, что межъязыковые и интраязыковые лакуны не имеют сущностных (лингвистических) различий, поскольку обе эти категории объединяются признаком релятивности. Этот признак существен при любом способе обнаружения лакуны – в системе одного языка или в системах сопоставляемых (двух или нескольких) языков.

Важным понятием лакунологии является идея элиминирования. Широко распространено обозначение «элиминированные лакуны», передающее результат компенсации, которое, однако, принимается не всеми. Дело в том, что термин «элиминирование» (элиминация) используется рядом наук – математикой, биологией, социологией, эконо-

мической теорией, и во всех этих сферах он означает 'исключение', и с этих позиций номинация «элиминированная лакуна» внутренне противоречива. Но такое обозначение для единиц, с помощью которых осуществлялось заполнение системной ячейки, используется во многих трудах по лакунологии, начиная с докторской диссертации В.Н. Рябова (где вторая глава называется «Элиминированная лакуна как составляющая словообразовательных парадигм», см. [Рябов, 1997]). Это пример «неидеального» термина с противоречивой внутренней формой, который, тем не менее, приобрел широкое распространение. И в настоящей статье также принят термин «элиминированные лакуны» (применительно к англицизмам, единицам субстандарта и неузуальным грамматическим формам, которые восполняют семантические или прагматические пробелы, пропуски в языковой системе).

Цель исследования – уточнить специфику семантики и прагматики элиминированных лакун.

Методы работы

Для анализа семантического и прагматического содержания лексических и грамматических элиминированных лакун, помимо традиционного индуктивно-дедуктивного метода, применялся функционально-прагматический и социолингвистический анализ языкового материала.

Экспансия англицизмов, которую справедливо связывают с экстралингвистическими, социальными процессами (прежде всего – с глобализмом), имеет и собственно лингвистические причины. Англизация русского (как и других языков) порождена необходимостью передать семантическое содержание, которое не получило еще однословного наименования. Необходимость заимствований, обусловленных этой причиной, обычно не оспаривается даже самими яростными противниками англо-американского влияния.

Область лексических заимствований стала важной сферой применения идей теории лакунарности. Например, в работе Е.Г. Коротких доказывалось, что наплыв англицизмов в такие терминологические сферы, как экономика и финансы, есть следствие элиминирования понятийных лакун: советская экономическая наука, ориентированная на плановое хозяйство, не располагала терминологическим аппаратом для описания новых реалий рыночной экономики [Коротких, 2009]. Такого типа заимствования представлялись закономерными и, как правило, не подвергались критике как не обоснованные, угрожающие самобытности русского языка.

Однако огромное число англоязычных единиц, которые быстро приобретали популярность, не может быть объяснено подобной причиной. Стоящие за ними понятия традиционно имели исконные однословные обозначения, причем нередко это была лексика основного словарного фонда (ср. все возможные толкования слова *фрик*: 'чудак, урод, сумасшедший, странный, эпатажный' и т.д.). Между тем, используется именно англицизм, причем в значении обеих частей речи – существи-

тельного и аналит-прилагательного (*фрик-культура* и под.) Ср.: «*Ощущение, что это диверсия, цель которой – окончательно подорвать авторитет ПМЭФ. Впрочем, может, и к лучшему, если благодаря этим **фрикам** удастся похоронить питерский форум, в таком виде он не нужен*» (Экспресс-газета, 2021, № 14. С. 4).

Приведенный пример – фрагмент интервью доктора экономических наук, известного публициста Валентина Катасонова. Ср. использование этого слова в другой публикации, посвященной Петербургскому международному экономическому форуму: «*Каждый вечер форума завершался десятком вечеринок <...> Но главной вечеринкой ПМЭФа (а вы думали, сюда по делам приехали?) стал цирк шاپито на Заячьем острове. В аквариумах плавали голые атлеты. На них плялились клоуны, силачи и **фрики** в белых валенках*» (О.Феокистов «Проститутки, клоуны и Даня Милохин» // Экспресс-газета, 2021, № 14. С. 5). Ср. также: «*Большая комедийная актриса Ольга Бузова в спектакле “Чудесный грузин”, – пишет некто Борис Антропьев. Так могут написать сопливые тиктокеры, для которых любой **фрик** – уже большой артист. Но я никак не ожидал такой сентенции от великовозрастного работника из сферы культуры.<...> Интересно, когда он это писал, то краснел или стыд остался в прошлом, как остались в прошлом не известные тиктокерам, забытые ныне имена Фаины Раневской, Рины Зеленой, Татьяны Пельтицер, этих действительно больших комедийных актрис? И совпадение ли, что об участии Бузовой в спектакле заявили сразу же после ПМЭФ, где с успехом блеснул еще один **фрик**, Даня Милохин, принесший своим лицом олигофрена большие дивиденды Сберу?...бездарные Бузовы, Дани, **фрики** Моргенштерны, как внедренный сетевой вирус, продолжают плодиться и размножаться. И это только цветочки. Скоро на горизонте появятся ягодки. А там и до Апокалипсиса рукой подать*» (Саша Соколов «“Чудесный грузин”: антихудожественная самодеятельность на академической сцене» // Культура, 11 июня 2021 г.).

Частотность слова в медиа отражает широкую распространенность самого явления, ср. актуализацию слова «фрик» в связи с преобладанием такого явления, например, на Евровидении: «*Кончита Вурст (Австрия, 2014). Его (Томаса Нойвирта) триумф стал вторым (после Даны Интернэшнл) этапом легализации ЛГБТ-фриков в шоу. Теперь именно Кончиту считают символом конкурса. <...> “Лорди” (Швеция, 2006). Самые страшные **фрики** конкурса спустились на сцену “Евровидения-2006” прямоком из преисподней: в жутких масках, латексте, костюмах викингов и в дьявольском гриме*» (Комсомольская правда, 16 – 23 июня 2021 г.).

«*На Евровидении, где, казалось бы, царит дух лютной попсы, домохозяек, перьев, **фриков** и геев, периодически случается такое бунтарство телеаудитории*» (Собеседник, 2021, № 19. С.4).

Причиной популярности слова *фрик*, скорее всего, является его оценочный характер, яркая пейоративная прагматика. По нашим наблюдениям, оно никогда не содержит позитивных коннотаций, между тем как приведенные толкования («чудак, урод, уродливый, сумасшедший,

странный, эпатажный') вовсе необязательно передают пейоративность. Свою роль играет краткость (стремление к экономии языковых и мыслительных усилий), а также категориальная принадлежность. А. Вежицкая пришла к выводу, что классы имен существенно дифференцируются по структуре значения. Вследствие этого в качестве константных характеристик лиц выступают имена существительные (такие характеристики могут быть рассмотрены в качестве констант, поскольку являются заметными или значимыми при определении конкретных свойств лица). Разграничение основных классов имен обусловлено также указанием на дискрипцию (имя прилагательное) или категоризацию (имя существительное). Кроме того, функциональная дифференциация имен детерминируется соотношением с синтаксическими конструкциями – определительными или предикатными. С конструкциями первого рода связаны существительные, второго – прилагательные [Вежицкая, 1999]. Именно этим различием определяется то, что есть существительные *горбун, слепец*, но нет субстантива для названия глухого человека (признак не бросается в глаза). Полагаем, что, поскольку в подавляющем большинстве контекстов словом *фрик* обозначается человек с яркими внешними приметами, логично оформление наименования именно как существительного.

В силу того, что семантика слова многослойна, включает как денотативный, так и коннотативный компоненты, возможна лакунарность только в сфере прагматики, и компенсацией такой лакуны может стать заимствованное слово. Много копий было сломано по поводу массового распространения слов *креатив, креативный, креативчик, креативно, креативить* (ведь есть свое – *творец, творческий, творчество, творить*). Между тем, это совершенно разные слова по прагматическому наполнению: слово *творчество* не подходит для обиходных характеристик, не годится для самопрезентации (недаром человек с чувством языка избегает говорить «Я в своем творчестве...», при том, что свою работу он считает именно творчеством и, может быть, высоко ставит и свои творческие заслуги). Языку нужен был «низкий аналог», синоним «не на котурнах» к слову *творчество*, и он появился, стал чрезвычайно популярен, например – в рекламистике [Левонтина, 2017, с. 169]. Ср.: «*Пойдешь ко мне в штат? – Кем? – Криэйтором. – Это творцом? Если перевести? – Творцы нам тут на х... не нужны, – сказал он. – Криэйтором, Вава, криэйтором*». (В. Пелевин «Generation `П`»).

Как пишет Н.М. Азарова, феномены творчества и креативности разграничиваются на основе критерия наличия/отсутствия осознанных усилий при реализации. На основе такого подхода творчество соотносится с понятием преодоления, а креативность – с понятием удовольствия. Эти феномены различаются и по своей природе, и по степени абстракции, и по статусу (феномен творчества связан с онтологическим подходом, феномен креативности – с социально-психологическим; эти феномены различаются также по деривационному потенциалу). Ср. «*креативить, покреативить, накреативить, креативчик, но*

и уменьшительные формы: *креативненько, креативчик*». Такие единицы связаны с широким кругом ситуаций, к творчеству (в высоком значении этого слова) не имеющих никакого отношения. Н.М. Азарова указывает также на достаточно устойчивую фразеологическую единицу – *креатив пошел* [Азарова, 2014, с. 21 – 22].

Как справедливо отмечали многие исследователи (В.И. Новиков, М.Н. Эпштейн, Н.С. Гуторова и мн. др.), в русском языке можно говорить о дефиците средств выражения при описании интимной (любви) сферы. Здесь используются единицы из медицинской терминосферы, а также обценные слова и выражения. Часто (по этой же причине) у говорящих / пишущих популярны такие обобщенные номинации, как *бой-френд, герл-френд*. Их востребованность связана с отсутствием коннотации, как положительной, так и отрицательной [Brusenskaya, Kulikova, 2018; Хазагеров, 2018;], в то же время у них нет маркированности: они не относятся к субстандарту (ни к архаике, ни к сленгу, ни к просторечию).

Думаем, что различия в прагматике стали главным фактором широкого распространения в русском языке инговых форм, которые, в отличие от исконных девербативов, не имеют устойчивой характеристики книжности, принадлежности исключительно к письменной речи. Кроме того, они короче, а значит динамичнее русских аналогов, которые для многих ситуаций непригодны в силу своей громоздкости, тяжеловесности, явной отнесенности к «канцеляриту» в худших его проявлениях. В.П. Григорьев, специально исследовавший инговые формы, отмечал, что «слоговая экономия как довод сама по себе слабовата» [Григорьев, 2005], однако, в сочетании с другими факторами, экономия языковых и мыслительных усилий играет не последнюю роль. В.П. Григорьев предсказывал возможности соединения этой морфемы с номинациями лица «-инг не должен оказаться лишенцем перед -щин-ой или ласкательными суффиксами, свободными в своих именных пристрастиях» [Григорьев, 2005]. Ср.: Заголовок: «Год **дзюбинга** в России» (Собеседник, 2021, № 19. С. 21). Инговая форма образована от фамилии футболиста Артема Дзюбы, которого по различным поводам (секс-скандал, более 200 голов в российской премьер-лиге и т.д.) чаще всего обсуждали в сезоне 2020/2021 гг. Как видно из последнего примера, такие единицы участвуют в формировании комической экспрессии и иронической модальности, т. е. добавляют языку-реципиенту новые краски в палитру средств усиления изобразительности и выразительности.

Заметим, что именно невозможность найти адекватную в прагматическом отношении замену нередко препятствует внедрению терминов на базе собственного словопроизводства. Новый вид бизнеса, названный в США *coworking* (*co + working*), во французском официальном языке называется *cotravail*, в испанском – *cotrabajo*, в каталанском – *cot treball*. В русском языке закрепляется именно англицизм, поскольку свое аналогичное слово *соработа* не соответствует современным реалиям именно с точки зрения прагматического содержания. Исследователи совер-

шенно справедливо полагают, что огромное значение в популяризации слова имеет прагматика новизны, современности; считается, что есть и особая прагматика глобализма. Так, И.П. Хутыз пишет о такой особенности новейших англицизмов, как связь с прагматикой глобализма. Они эффективно указывают на отнесенность именно к XXI столетию, на новые тенденции развития; они создают языковой образ социальной действительности [Хутыз, 2008, с. 103 – 104].

Даже иноязычные междометия (заимствование которых чаще всего представляется неоправданным, поскольку междометие в принципе способно недифференцированно передавать различные, иногда взаимно исключаящие друг друга эмоции), как оказалось, способны привнести новое содержание. По наблюдениям И.В. Левонтиной, междометие *unc* (*oops*) выражает «неповторимую комбинацию острого переживания», обусловленного оценкой действий, которые субъективно рассматриваются как неверные, и «представления, что в это же мгновение тема исчерпана и не стоит дальше переживать», а русские междометия, используемые в такой ситуации, передают либо досаду, либо агрессию [Левонтина, 2017, с. 201].

В свете всего сказанного отрицательная оценка заимствований не может быть принята однозначно: термины-англицизмы новейшего времени маркируют инкорпорированность адресанта в профессиональное дискурсивное пространство, а иноязычные единицы общего языка нередко передают прагматическую нюансировку, которая не менее значима, чем нюансировка семантическая.

Англификация языков при глобализации – объективный процесс. Англо-американизмы заполняют понятийные лакуны, что характерно, прежде всего, для терминологических сфер; с помощью заимствований преодолевается широкая полисемия исконных слов (ср. специализацию понятия в случае образ – имидж). И весьма часто англо-американизмы, со свойственной им коннотацией новизны и престижности, заполняют прагматические лакуны.

Среди «бедствий», которым подвержен русский язык XXI в. [Брусенская, Куликова, Украинцева, 2017; Kulikova, Kuznetsova, Kolesnikov, 2018; Кара-Мурза, 2020], традиционно называют наплыв жаргонизмов, причем отмечается их проникновение в те сферы функционирования языка, где прежде они были немыслимы – в сферу публичных политических дискуссий, даже в язык дипломатии. В числе причин, как правило, указываются внешнесистемные факторы, к которым относят общие процессы демократизации всех сторон жизни и отсутствие цензуры. Между тем, есть и собственно лингвистические причины этого масштабного явления, и они связаны именно с прагматическими характеристиками субстандартных единиц.

Показательными могут быть те случаи использования субстандартных единиц, которые не продиктованы особой симпатией к «языку дна», не связаны с речевыми характеристиками персонажей в художественном дискурсе, но появляются в текстах авторов серьезных анали-

тических материалов. Если Академик С.Ю. Глазьев для характеристики сложившегося общественно-политического строя в постперестроечной России прибегает к единице субстандарта, это свидетельствует в том числе и о новой роли таких единиц. Ср.: *«Безусловно, налоговый и административный террор против бизнеса, все более напоминающий **“блатной”** феодализм»* (по крылатому выражению академика и многолетнего помощника президента С.Ю. Глазьева), не более допустим и не менее разрушителен, чем оптимизация здравоохранения, повышения пенсионного возраста, “налоговый маневр” и “бюджетное правило” (М. Делягин «Сон разума» // Завтра, 2021, № 22).

Или ср. жаргонизмы в повествовании Т.Москвиной о Петербурге: *«...по всему городу шло беспрестанное **тырлово и перлово**. Закрывается на ремонт, скажем, кондитерская на углу Пестеля и Литейного, открывается – **хоба!** Она же вся была в резных дубовых панелях, с бронзовыми бра! Да что вы, это вам приснилось, не было никаких панелей. И в Елисейском никакой люстры отродясь не висело. <...> К сожалению, нация, к которой я принадлежу, обладает свойствами, которые я ненавижу, – лживость и вороватость. Но любит она при этом исключительно правду и справедливость!»* (Т. Москвина «Жизнь советской девушки»).

Если жаргонное значение имеют слова общего языка, это становится источником каламбуров: Заголовок: *«**Разведем** бетон и лохов!»* (Комсомольская правда, 16 июня 2021 г.) – речь идет о мошеннических схемах при строительстве индивидуальных домов.

Отрицательная оценка ситуации в целом (а не только денотата) может быть емко передана с помощью выбора жаргонизма (но не слова общего языка): *«Получив **бабло**, власти взяли на себя обязательство по внедрению западной политики в образование Незалежной»* (Аргументы недели, 2021, № 7).

«Очевидному чувству эпохи XXI столетия» [Хутиз, 2008, с. 104] соответствуют, таким образом, не только новейшие англо-американизмы, но и слова сниженного словаря, единицы субстандарта: на смену эпохе, где было много пафоса, пришла эпоха, где много иронии.

Субстандартные грамматические формы, с помощью которых компенсируются прагматические лакуны, также используются как оценочные единицы: *«А на следующий день я отправилась на праздничный концерт по случаю юбилея детского досугового центра, где занималась моя дочь. Концерт вела приглашенная **профессионалка** – такая, с прической, с профессионально приподнятой и профессионально задушевной интонацией и профессиональными стихами»* [Левонтина, 2017, с. 317].

Как видим, феминитив здесь прекрасно вписывается в лексическую и грамматическую систему средств создания иронии. Ср. ненормативный феминитив *актерка* (при наличии узувального *актриса*), используемый как яркий пейоратив: *«В старом фильме играла Чурсина – такого огня дала, такой пожар страстей раздула! **Актёрка** Пересильд на фоне великой Чурсиной – что светлячок на фоне светила. Ну бледно! – припечатал Юлю кинокритик Лев Рыжков»* (Экспресс-газета, 17 марта 2021 г.).

Многочисленные примеры пейоративных феминитивов, которые по сути представляют собой элиминированные лакуны приводятся и анализируются в работе О.М. Акай [2020]. В указанной работе на обширном языковом материале доказано, что такого рода феминитивы десятилетиями функционируют на периферии языка, не превращаясь полностью в узуальные единицы. Они оказываются востребованными всякий раз, когда необходимо передать особую прагматику, чаще всего – пейоративную.

Заключение

Вне контекста и ситуации, без опоры на «чувство соразмерности и сообразности» (А.С. Пушкин) невозможно судить о функциональных качествах элиминированных лакун. Англицизмы в одном случае демонстрируют только подражательность и беспомощность («камуфлирование пустоты»), а в других действительно служат для компенсации семантических и прагматических лакун, а значит – для обогащения языка-рецептора. Таким же общим процессом, как англификация, для европейских языков оказывается демократизация многих сфер языкового функционирования, что проявляется в количественном росте единиц субстандарта. Эти единицы почти всегда заполняют именно прагматические, а не семантические лакуны (ибо ситуация, когда в распоряжении говорящих имеется только субстандартное наименование актуального понятия, достаточно редкая, однако возможная: ср. *крыша*, *беспредел* и под.). Недаром именно в единицах субстандарта видят животворящее начало экспрессивного языка, которому претит статика, застой.

Креативные возможности языка находят выражение за счет элиминирования грамматических лакун, которое не влечет за собой деструкцию системы. Масштабное элиминирование интраязыковых лакун проявляется, в частности, в выражении разнообразных прагматических оттенков смысла, поэтому его закономерно рассматривать как признак развития и оптимального функционирования системы языка.

Список источников

- Азарова Н.М. (2014). Креативность как слово и как концепт // Критика и семиотика. № 2. С. 21 – 30.
- Акай О.М. (2020) Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д. 406 с.
- Брусенская Л.А., Куликова Э.Г., Украинцева И.В. (2017). Медиатизация: реклама как современный речевой жанр медиа-дискурса в контексте идей экологической лингвистики // Медиаобразование. Media Education. № 3. С. 61 – 78.
- Вежбицкая А. (1999). Семантика грамматики // Семантические универсалии и описание языка. М.: Языки русской культуры. С. 90 – 119.
- Григорьев В.П. (2005). Светлое будущее «инговых форм» в русском поэтическом языке // TextOnly.ru: сетевой журнал. 2005. Вып. 013. URL? www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html
- Кара-Мурза Е.С. (2020) Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиaprостранстве (анализ двойного кейса) // Вестн. ВолГУ. Серия 2: Языкознание. Т. 19, № 1. С. 18 – 27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.2>

- Коптева О.В.* (2009). Лакунарность в английском языке на фоне русских соответствий (на материале английского перевода романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань. 29 с.
- Коротких Е.Г.* (2009). Заполнение лакун русской тематической группы «финансовая и коммерческая деятельность» англоязычными заимствованиями // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ. С. 56 – 66.
- Мануковская Т.В.* (2018). Понятие «языковая лакуна» в современной лингвистике на основе славянских и романо-германских языков // Филол. науки. Вопросы теории и практики. № 2 (80). Ч. 1. С. 120 – 123.
- Махонина А.А.* (2013). Типология лакун различной частеречной отнесённости // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. № 1. С. 75 – 78.
- Рябов В.Н.* (1997). Русские интраязыковые лакуны: формально-семантический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Краснодар. 363 с.
- Савицкая Е.В.* (2015). Английские языковые лакуны в свете интраязыкового подхода: автореф. дис.... канд. филол. наук. Самара. 23 с.
- Хазагеров Г.Г.* (2018). Риторика, грамматика, дискурс, гомеостаз // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22, № 2. С. 357 – 372.
- Хутыз И.П.* (2008). Прагматика глобализма современных англицизмов // Филология как средоточие знаний о мире. М.; Краснодар: Просвещение-Юг. С. 102 – 106.
- Brusenskaya, L.A., Kulikova, E.G.* (2018). Medialinguistics: origins, problems and prospects. Media Education. № 1. P. 168 – 183.
- Gladkova A., Larina T.* (2018) Anna Wierzbicka, words and the world // Russian Journal of Linguistics. T. 22, № 3. P. 499 – 520. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520
- Gambier, Yv.* (2019). Impact of technology on Translation and Translation Studies // Russian Journal of Linguistics. № 23(2). P. 344 – 361. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-344-361
- Grodzki E.* (2003). Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising. Frankfurt am Main; Berlin: Lang. 185 p.
- Hale K.* Gaps in Grammar and Culture // Linguistics and Anthropology / eds. M. Dale Kinkade, Kenneth L. Hale & Oswald Werner. New York: The Peter de Ridder Press, 1975. P. 295 – 315.
- Jolowicz J.O.* Lacuna theory in intercultural communication: Focus on axiological lacunae // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 58 – 77.
- Kshenovskaya (Sagnayeva) U.L.* (2011). Cultural Gaps and Ways of Eliminating Them // Text Processing and Cognitive Technologies. Paper Collection / eds. V. Solovyev, R. Potapova, V. Polyakov. № 20. P. 107 – 110.
- Kulikova, E.G. Kuznetsova A.V., Kolesnikov Yu.A.* (2018). The Public Media Space and Destructive Communication of the “language of enmity”: Law, Cognitive and Communicative-pragmatic Mechanisms. Media Education, № 4. P. 69 – 83. DOI: 10.13187/me.2018.4.69
- Panasiuk I., Schröder H.* (2007). Lakunen-Theorie: Etnopsycholinguistische Aspekte der Sprache-und Kulturforschung // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 219 – 224.

Sdobnikov V.V. (2019). Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges // Russian Journal of Linguistics. № 23 (2). P 295 – 327. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327>

Shaklein V.M., Mamontov A.S. (2019). Russian as a foreign language teachers professional culture in the globalized world // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. EpSBS. P.420 – 430.

Verbitskaya L.A. (2013) Russian language in the late twentieth to early twenty-first century // Russian Journal of Communication. Vol. 5, № 1. P. 64 – 70.

References

Akay O.M. (2020). *The phenomenon of grammatical lacunarity: cognitive and linguopragmatic aspects. Ph.D. Dis.* Rostov-on-Don. (In Russian).

Azarova N.M. (2014). Creativity as a word and as a concept. *Criticism and semiotics*, no. 2. pp. 21-30. (In Russian).

Brusenskaya L.A., Kulikova E. G., Ukraintseva I. V. (2017). Mediatization: advertising as a modern speech genre of media discourse in the context of the ideas of ecological linguistics. *Media Education*, no. 3. pp. 61-78. (In Russian).

Brusenskaya L.A., Kulikova, E.G. (2018). Medialinguistics: origins, problems and prospects. *Media Education*, no. 1, pp. 168-183.

Gambier Yv. (2019). Impact of technology on Translation and Translation Studies. Russian Journal of Linguistics. 23(2): 344-361. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-344-361

Gladkova A., Larina T. (2018) Anna Wierzbicka, words and the world. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 3, pp. 499-520. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520

Grigoriev V.P. (2005). The bright future of “ing forms” in the Russian poetic language. *TextOnly.ru: network log*. 2005. Issue 013. URL: www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html

Grodzki E. (2003). *Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising*. Frankfurt am Main; Berlin: Lang, 185 p.

Hale K. (1975) Gaps in Grammar and Culture. *Linguistics and Anthropology*. Eds. M. Dale Kinkade, Kenneth L. Hale & Oswald Werner. New York: The Peter de Ridder Press. Pp. 295-315.

Jolowicz J.O. (2006) Lacuna theory in intercultural communication: Focus on axiological lacunae. *Voprosy psikholingvistiki*, no. 3, pp. 58-77.

Kara-Murza E.S. (2020) Linguoconflictology and conflicts in Russian media space (analysis of a double case). *Vestnik VolGU. Series 2, Linguistics*, vol. 19, no. 1, pp. 18-27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.2> (In Russian).

Khazagerov, G.G. (2018). Rhetoric, Grammar, Discourse, Homeostasis. *Russian Journal of Linguistics*, no. 22 (2), pp 357-372. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-357-372 (In Russian).

Khuty I.P. (2008). Pragmatics of globalism of modern Anglicisms. *In Philology as a focus of knowledge about the world*. Moscow; Krasnodar, Prosveshchenie-Yug, pp. 102-106. (In Russian).

Kopteva O. V. (2009). *Lacunarity in the English language against the background of Russian equivalents (based on the material of the English translation of A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin")*: Unpublished master degree theses abstract. Ph.D in Philology: 10.02.20. Kazan, 29 p. (In Russian).

Korotkyh E. G. (2009). Filling the gaps of the Russian thematic group "Financial and commercial activity" with English-language borrowings. In *Lacunarity in the language, the world picture, the dictionary and the text: an interuniversity collection of scientific papers*. Novosibirsk: Publishing house of NGPU, pp. 56-66. (In Russian).

Kshenovskaya (Sagnayeva) U.L. (2011). Cultural Gaps and Ways of Eliminating Them. *Text Processing and Cognitive Technologies. Paper Collection*. Eds. V. Solovyev, R. Potapova, V. Polyakov, no. 20, pp. 107-110.

Kulikova, E.G. Kuznetsova A.V., Kolesnikov Yu.A. (2018). The Public Media Space and Destructive Communication of the "language of enmity": Law, Cognitive and Communicative-pragmatic Mechanisms. *Media Education*, no. 4, pp. 69-83. DOI: 10.13187/me.2018.4.69

Mahonina A.A. (2013). Typology of lacunae of different partial attribution. *Bulletin of the VSU. Series: Philology, Journalism*, no. 1, pp. 75-78. (In Russian).

Manukovskaya T.V. (2018). The concept of "linguistic lacuna" in modern linguistics on the basis of Slavic and Romano-Germanic languages. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, no. 2 (80), part 1, pp. 120-123. (In Russian).

Panasiuk I., Schröder H. (2007). Lakunen-Theorie: Etynopsycholinguistische Aspekte der Sprache- und Kulturforschung. *Questions of psychology*, no. 6. pp.219-224. (In Deutsch).

Ryabov V.N. (1997). *Russian intralinguistic lacunae: formal and semantic aspect: Unpublished master degree theses. Doctor in Philology*: 10.02.01. Krasnodar. 363 p. (In Russian).

Savitskaya E.V. (2015). *English language lacunae in the light of the intra-linguistic approach: Unpublished master degree theses abstract. Ph.D in Philology*. Samara, 23 p. (In Russian).

Sdobnikov, V.V. (2019). Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges. *Russian Journal of Linguistics*, no. 23 (2), pp. 295-327. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327>

Shaklein, V.M. & Mamontov, A.S. (2019). Russian as a foreign language teachers professional culture in the globalized world. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. EpSBS. pp.420-430.

Verbitskaya L.A. (2013) Russian language in the late twentieth to early twenty-first century. *Russian Journal of Communication*, vol. 5, no. 1, pp. 64-70.

Vezhbitskaya A. (1999). Grammar semantics. In *Semantic universals and language description*. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, pp. 90-119. (In Russian).

Информация об авторах

Беляева Ирина Васильевна – докт. филол. наук, доцент, irinabelyeva23234@mail.ru

Акай Оксана Михайловна – канд. филол. наук, доцент, oksanaakay@gmail.com Scopus AuthorID 57196452911, Wos ResearcherID R-2913-2018

Information about the authors

Irina V. Belyaeva – grand Ph.D. of Philology, Professor-Assistant, irinabelyeva23234@mail.ru

Oksana M. Akay – Ph.D of Philology, oksanaakay@gmail.com Scopus AuthorID 57196452911, Wos ResearcherID R-2913-2018,

Статья поступила в редакцию 12.07.2021; одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 30.09.2021.

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 30.09.2021.